

Анатолий Мартынов

Анатолий Мартынов – родился в городе Советске Калининградской области. Имеет высшее филологическое образование. Работает в Калининградском художественно-промышленном техникуме мастером-ювелиром. Пишет стихи, прозу. Им изданы четыре поэтических сборника и сборник повестей, рассказов, пьес. Возглавляет литературное объединение «Эклога».

ЖИЛИ-БЫЛИ

Рассказ

Жили-были... Нет, это не сказка. А если и сказка, то быль. В общем, жили-были в одном небольшом курортном городе, на третьем этаже многоквартирного дома, папа, мама, и было у них два сына. Младший – Серёжа, учился в первом классе, старший – Максим – в пятом. Разница в возрасте, конечно же, сказывалась на их отношениях. Старший признавал только свою гегемонию. Младший всячески сопротивлялся. Особенно ему не нравилось, что Макс, так он называл брата, с головой уходил в компьютерные игры, даже не думая о том, что и Серёже они интересны. Компьютер в квартире был один. На покупку другого денег не было. Папа с мамой выплачивали кредит за приобретённую недавно квартиру. До этого семья ютилась в однушке пятиэтажного дома-хрущёвки.

Серёжа недолго раздумывал над тем, как оттащить Максима от компьютера. Дедушка Коля на прошлой неделе заменил вилку шнура системного блока. Он попросту отрезал старую и на её место поставил новую разборную вилку. Серёжа всё это видел, и, когда Максим ушёл на кухню пообедать, он этим тайм-аутом воспользовался. Перерезал один проводок, аккуратно подсунул под него кусочек изоленты, замотал так, чтобы одна часть проводка не состыковалась с другой частью, собрал вилку и вставил её в розетку. Затем положил инструмент в выдвижной ящик стола, взял в руки карандаш, альбом для рисования и стал рисовать кошку. Сам он родился в год рыжей собаки, но любил кошек. Не раз и не два просил родителей взять в дом котёнка. Но мама даже слышать не хотела о дворовых бродяжках, а папа больше любил собак.

Вскоре в комнату вошёл сытый и довольный старший брат и сразу сел к компьютеру. Минут пять он пытался включить его, но не тут-то было. А Серёжа, как ни в чём не бывало, продолжал рисовать свою любимую кошку.

– Сергей, ты к компьютеру не подходил? – обернувшись к брату, – спросил Максим.

– Не-а, – беззаботно ответил Серёжа, не отрывая глаз от рисунка. – А что?

– Да ничего... Кажется, компьютер сломался.

– Ой, Максим, и будет тебе от папы!..

– А ты ему ничего не говори. – Я что-нибудь придумаю. – Максим вопросительно посмотрел на брата, и тот пообещал, что будет молчать. Как самая немая рыба.

В это время Максиму позвонил его одноклассник и друг Денис Купавин. О чём они говорили, Серёжа не разобрал – Максим вышел для разговора с другом в коридор. Через минуту он вернулся, взял спортивную сумку и сказал:

– Я на тренировку. Закрой за мной дверь.

После его ухода Серёжа соскочил с дивана, радостно потёр руки и крикнул: «Сработало!»

Он тут же закрыл дверь на ключ, достал инструмент и занялся розеткой. На ремонт у него ушло не более десяти минут. Попробовал включить компьютер. И эта проба увенчалась успехом. «Вот так-то! – возликовал Серёжа. – Всё работает. Ну, держись теперь пулялки-стрелялки!»

Пулялками-стрелялками называли игры детей папа и дедушка Петя, мамин папа, который работал инженером в энергосистеме района. Вот к нему Максим и решил обратиться за помощью. Но это

будет завтра, а сегодня у него тренировка в секции самбо. Юным спортсменам через неделю предстояло принять участие в областных соревнованиях по этому виду борьбы. И как сказал тренер Пётр Николаевич Тужик, «чтобы победить, надо попотеть». Максим потел в паре с Денисом Купавиным. Ему было тяжелее: он почти на пятнадцать килограммов был легче Дениса.

Серёжа в это время вёл бой с танками противника. Их было много. Появлялись они внезапно, как будто вырастали из земли. Его танк чудом уходил от чужих снарядов и стрелял, стрелял. Стрелял до тех пор, пока рука папы не легла на плечо сына.

– Так-так, – сказал папа, – мы с мамой звоним-звоним, а он, видите ли, в пулялки-стрелялки играет. Давай-ка заканчивай. Тебя и Максима ждёт сюрприз.

– Что за сюрприз? – Серёжа с любопытством смотрел на папу.

Но тот по-своему отреагировал на вопрос сына:

– Узнаешь. Но только после того, как наведёшь порядок на столе. Да, а где Максим?

– На тренировку ушёл. У него скоро областные соревнования по самбо.

– Соревнования – это хорошо. А вот домашние задания, наверное, не выполнил. Александр Сергеевич поднял с пола альбом с нарисованным котом. Задержал взгляд на рисунке. Кот был исполнен в сидячем положении. В нём, как в человеке, чувствовалось какое-то нервное состояние. Казалось, что вот-вот он сорвётся с места и помчится в ту сторону, куда были устремлены его пронзительные глаза. «Молодец!» – подумал папа и сказал это вслух.

На лице сына первоцветом появилась улыбка, и он, с присущей ему откровенностью, сказал:

– Понимаешь, это я так нервничал, когда рисовал котика. Макс меня к компьютеру не пускал, вот я и продумал одну штучку-дрючку.

– Какую ещё штучку-дрючку? – заинтересовался папа.

– Как сломать компьютер, – выпалил Серёжа и, испугавшись, что папа его неправильно поймёт, поспешил с разъяснением:

– Сломать не взаправду, а понарошку. Ну, чтобы Максим подумал, что компьютер сломан и побыстрее ушёл на тренировку.

– И что ты учудил?

– Да ничего особенного. Пока Макс обедал на кухне, я в вилке перерезал один проводок и всё. А после его ухода концы проводка соединил, заизолировал твоей лентой, и компьютер заработал.

– Однако сметлив ты у меня, – отметил папа. – И всё же твой поступок не совсем хорош по отношению к брату.

– А его поступок хорош? Компьютер-то общий. А за ним только он и играет.

– И его поступок не хорош, – согласился папа с сыном, – но я с Максимом поговорю, а если понадобится, то и расписание ваших компьютерных игр составлю... Ты закончил приборку? Вот и ладненько. Пошли на кухню. Мы с мамой познакомим тебя с твоим долгожданным другом.

А долгожданный маленький друг, голубой британец, в это время лакал из блюдца молоко. Серёжа, увидев котёнка, радостно закричал:

– Родители, вы супер! Я вас люблю!

Он сел на корточки перед котёнком и стал смотреть, как тот пьёт.

– И как это таким маленьким языком можно выпить столько молока? – спросил сын. Вопрос касался обоих родителей, стоящих рядом. Ответила мама:

– Коты не пьют, а лакают, то есть вбирают в себя молоко вытянутым языком и делают это довольно быстро. Сам увидишь.

Но увидеть, как опорожнилась чашка, Серёже пришлось вместе с братом. Максим пришёл весёлым и немного уставшим. Увидев котёнка, он, так же как и Серёжа, возликовал от радости.

– Ну наконец-то у нас появился настоящий, а не игрушечный друг! А имя у него уже есть?

– Морис, – деля ударение на втором слоге, сказала мама, – так записано в его родословной.

Максим скривился. Имя, данное коту, ему не понравилось, и он предложил:

– А может, назовём его по-другому... Ну, например, Норис, в честь Чака Нориса.

– Так котик же совсем маленький, – заметил Серёжа.

– Тогда пусть будет Малыш. И звучно, и по-нашенски.

– А когда Малыш вырастет, ты его будешь называть Большиш? И звучно, и по-нашенски, – засмеялся Серёжа.

– Ладно, умник! – нахмурился Максим. – Сам-то что предлагаешь?

– А ничего. Мама же сказала, что есть родословная и в неё уже внесено имя нашего красавчика...

Максим, гляди, Морис уже всё съел! А я-то думал, он будет целый час лакать молоко. Серёжа придвинул лицо к котёнку, и тот вдруг лизнул его в нос, а потом подошёл к сидящему на стуле Максиму, потёрся о ногу и лизнул протянутую к нему ладонь.

– Ну всё, – сказал папа, – знакомство состоялось. – Так что дружите и дружно живите. Подумайте, где Морис будет спать и где будет его туалет.

Мальчишки ушли в свою комнату думать. И пока братья думали, а по большому счёту спорили, котёнок сам решил одну из проблем: он залез в картонную коробку из-под обуви и засопел в ней. А папа, Александр Сергеевич, и мама, Елена Петровна, занялись приготовлением ужина.

Вот так поселился в доме Варнавских не просто котёнок, а, как сказал папа, член семьи, который прибавил её обитателям новые и серьёзные заботы. Его нужно было кормить, поить, выгуливать, убирать за ним. К тому же он постоянно запуская свои коготки в обои и немилосердно рвал их. Пришлось сделать папе специальную доску, обтянуть её дерматином и установить в прихожей, в том месте, где коту особенно нравилось это занятие.

Выгуливали Мориса папа и Максим, а когда Серёжа перешёл во второй класс, то и ему доверили совсем нелёгкие прогулки с котом. Он это понял очень скоро. Вынося Мориса из подъезда, Серёжа заметил, что тот вдруг встревожился и стал вырываться из рук. За спиной загавкала собака. Кот вырвался и стремглав понёсся к ближайшему дереву. В один миг он взбежал (а может, взлетел) на большой сук клёна и оттуда с ядовитым интересом смотрел на пса-пустобрёха.

Серёжа растерянно наблюдал за происходящим. Собаку увёл со двора хозяин. А вот как быть с котом, Серёжа не знал. Он подошёл к дереву и стал уговаривать своего любимца:

– Морисик, миленький, слезай. Твой враг ушёл. Ну же, Морисик.

Но кот только мяукнул в ответ и продолжал сидеть на дереве. Серёжа даже сбежал на кухню за кусочком варёной курицы, которую так любил Морис, но не помогло и лакомство. Тогда он положил мясо под дерево на лист подорожника и сел на ближайшую от подъезда скамейку. Ему, как обычно, очень хотелось посидеть за компьютером. А тут такая невезуха! «Если я уйду, – подумал Серёжа, – то Морисик может слезть с клёна и потеряться. А сообщу-ка я об этом... папе или маме?» Папа отозвался тут же и пообещал минут через пятнадцать-двадцать приехать. Он приехал чуть раньше, попросил сына принести ключи от подвала, где хранилась лестница-раскладушка. С помощью этой лестницы он добрался до сука, позвал кота и, посадив его на плечо, спустился вниз.

– Па, ты супер! У тебя это клёво получилось, – восхитился Серёжа.

– И у тебя получится, – улыбнулся папа. – Я сейчас вернусь на работу, а ты отнеси лестницу и позаботься о Морисе. Через два часа буду дома. Смотри, чтобы всё было хорошо.

Александр Сергеевич предупредил сына не просто так: Серёжа был любознательным и незадиристым мальчишкой, но порой мог сказать такое, что смущало даже видавших виды людей и ставило их в неловкое положение. То, что он обманул брата, испортив, пусть и на время, вилку системного блока, было его самой безобидной шалостью. Случались и другие безобидные шалости, а были...

Как-то, будучи в гостях у старшей сестры Валентины, Александр Сергеевич вышел во двор покурить. Неподдалёку, на скамейке, сидели молодые женщины, о чём-то увлечённо вели разговор. Одна из них заметно выделялась. И не только своим грубым голосом, но и короткой задиристой причёской, красным мужским галстуком на белоснежной рубашке и сигаретой, словно прилипшей к нижней оттопыренной губе. При этом рот был приоткрыт. Она одновременно и говорила и курила.

Серёжа появился из-за угла дома внезапно, как Чингачгук, с луком в руках.

– Здравствуйте, зенсины, – сказал он.

– Здравствуй, милый, – ответила одна из них. – Ты, никак, на охоту собрался?

– Не-а. Я вот лук смастерил, – Серёжа поднял своё оружие вверх и потряс им.

Тут же он переключил внимание на ту, которая и говорила и курила. Эту женщину Серёжа знал, она работала вместе с мамой, Еленой Петровной, в детской исправительной колонии. Секунд двадцать он разглядывал её и вдруг выпалил:

– Ситана Иванна, а скажите, пожалуйста, вы зенсина или мусина.

– А что, по мне не видно? – удивилась Светлана Ивановна.

– Не-а, – усомнился Серёжа. – Вы курите. А курить должны мужчины.

Женщины едва сдерживали смех. Светлана Ивановна чувствовала себя неловко и постаралась прогнать назойливого мальчишку:

– Вот что, юный мужчина, а тебя не учили, что некрасиво вступать в разговоры взрослых? Шёл бы ты лучше с ребятами гулять.

– Извините, Ситана Иванна, – ничуть не тушуясь, сказал Серёжа, – я, кажется, того... опростовосился.

– Опростоволосился, – поправила его Светлана Ивановна.

– Я так и хотел сказать, да забыл. Как это? Опросто... опростолосился.

Серёжа с неуклюжим достоинством повернулся к женщинам спиной и пошёл к играющим в футбол мальчишкам, бормоча: «Просто... опросто... опростово...»

Александр Сергеевич хорошо помнил этот случай из жизни сына, которому в то время было пять с половиной лет. Сарафанное радио разносило его по всей округе, каждый раз переименовая на свой лад. Теперь Серёжа повзрослел. Но не настолько, чтобы по-взрослому оценивать свои поступки. «Хотя мальчик ещё успеет стать скучным и вот таким, как я, занудой и законником», – подумал Александр Сергеевич. Его уничижительная ирония вызвала бы у коллег-юристов недоумение, так как он был не просто толковым, а талантливым юристом и всегда с честью защищал интересы своей городской больницы. Александр Сергеевич взял со своего рабочего стола мобильный телефон, чтобы позвонить сыну, но тот опередил его.

– Папа, – услышал он голос Серёжи, – ты знаешь, что... Нет, ты только вникни... Наш Максим... Ну это просто супер!..

– Серёжа, скажи внятно, что произошло? – испугался Александр Сергеевич.

– Да всё нормально, па. Помнишь, ты говорил, что без труда не вытащить и рыбку из пруда?

– Помню, – подтвердил Александр Сергеевич, – и что?

– А то, что Максим без труда занял первое место на соревнованиях по самбо. Так и в грамоте написано.

– Что-то я тебя не совсем понимаю. В грамоте написано, что Максим занял первое место без труда?

– Да нет же, папа! В грамоте говорится только о первом месте. А Максим сказал, что он ни разу не выходил на ковёр. В его весовой категории не оказалось противников.

– Так иногда бывает, – сказал Сергей Александрович. – Как с уроками? Кота кормил?

– Кота кормил. И Макс ещё ему добавки давал. Морис сейчас сидит на подоконнике и смотрит, как я играю. Па, он тебе привет передаёт.

– И ему от меня привет. Всё, Серёжа, разговор заканчиваю. Вернусь с работы, чтобы домашние задания и у тебя и у Максима были выполнены. Понял? Вот и хорошо.

2

Время неумолимо двигалось вперёд, оставаясь равнодушным к тому, что и как делал человек, к его страданиям и радостным мгновениям. Серёжины упражнения с котом, а он учил его ходить по канату, увенчались успехом. Как-то кот, одуревший от мальчишеских уговоров «пройтись по канату» и особенно от того, что его, британца, Серёжа называл трусом, неожиданно вскочил на один из двух стульев, к которым был привязан канат, и лихо пробежал по нему. Благо длина каната составляла чуть более полутора метров. Юный дрессировщик от удивления открыл рот, ещё не вполне веря в то, что произошло. Но тут же взял кота на руки, чмокнул его в нос и, захлёбываясь от радости, заговорил:

– Морисик, у тебя получилось, получилось! Ты супер! Талантище!

Талант Мориса оценил и Максим. А брату сказал, что тот вполне может стать дрессировщиком. Сам же Максим решил после окончания девятого класса поступить в строительный техникум. Папа, хотя и вслушивался в разговоры сыновей, но не вмешивался. Он знал, что многое в человеческой жизни относительно.

В недалёком прошлом Александр Сергеевич окончил высшее военно-морское училище и в звании капитана второго ранга в дикие ельцинские времена вынужден был покинуть флот. Вспоминать об этом не любил. У него хватило и силы и воли адаптироваться в обычной гражданской жизни. В те девяностые найти рабочее место считалось делом непростым. Но Александр Сергеевич был классным специалистом-профи в области связи. В совершенстве обладая компьютерными знаниями, он

мог отремонтировать компьютер любой сложности. В Центре занятости населения ему предложили работу в казначействе. Зарплата невысокая, но он согласился, ибо, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Без отрыва от производства, с отличием, окончил юридический факультет местного института...

То, как кот ходил по канату, сильно удивило Александра Сергеевича. «Значит, не только пулялки-стрелялки в голове сына», – подумал он. А вслух сказал:

– Молодец!.. Я знаю, что ваш класс принимает участие в смотре художественной самодеятельности. Вот и подготовь номер «Кот-канатоходец».

– А что, – загорелся этой идеей Серёжа, – надо попробовать.

Две недели он ходил с котом в школу (Мориса носил в плетёной корзине). Кот привыкал к тому месту, где он будет демонстрировать талант канатоходца. Репетировали они за ширмой, куда долетали голоса школьников, но они нисколько не пугали Мориса. Кот, как и его хозяин и друг, попросту были увлечены интересным занятием и посторонние шумы их не донимали. В результате номер с выступлением кота-канатоходца прошёл под неистовые аплодисменты и восторженные крики зрителей. Он был признан лучшим из представленных номеров.

Серёжа стал одной из значимых фигур в своём классе – и не только. Даже старшеклассники общались с ним как с равным.

Папа и мама от души порадовались за сына. Но Александр Сергеевич не преминул заметить Серёже:

– Ты, конечно, большой молодец! Но на всякий случай помни: будь к делу ближе, а от зазнайства как можно дальше. Эту истину я унаследовал от моего отца и твоего дедушки.

Как-то во время кормления Мориса Серёжа озадачил отца, казалось бы, банальным вопросом:

– Па, а почему Морис равнодушен к кошачьим свадьбам?

Александр Сергеевич замялся, сказал что-то невразумительное в ответ. А Серёжа возьми да и подлей масла в огонь:

– Ладно, па, можешь не говорить. Наш Морис, скорее всего, кастрат. Но я его всё равно люблю.

Серёжа наклонился и погладил кота. В свою очередь Александр Сергеевич, молча взъерошил льяняную шевелюру сына и ушёл на кухню. «Взрослеем», – только и подумал он.

3

А время всё шло своей дорогой, невидимое, но ощутимое, «меняя мыслей ход и изменяя лица». Вот уж Максим окончил девять классов и поступил в среднюю мореходку на отделение судовождения. Через полгода тяга к учению у него поостыла. Он стал прогуливать занятия. К тому же однажды, потанцевав с девчонкой, повадился ездить к ней на свидания в отдалённый посёлок, где она проживала.

Александр Сергеевич узнал о проделках сына от его классного руководителя. В душе сразу повеяло холодом. Появилась боль в сердце. Врач районной больницы определил у него стенокардию. Кроме выписанных лекарств, посоветовал побольше отдыхать и поменьше нервничать. Но Александр Сергеевич воспринял слова врача как нечто виртуальное и поэтому невыполнимое. Он винил себя в том, что недоглядел за сыном. Вспомнил, как сам уехал поступать в Нахимовское училище. Да, но сам-то он уехал с разрешения родителей. И поступил. А вот дисциплинарные строгости ему не понравились, и он, улучив момент, уехал домой. Правда, по окончании школы, набрав необходимое количество баллов, Александр Сергеевич стал успешным курсантом, а затем и офицером ВМФ... Вечером он tet-a-tet поговорил с сыном. О чём? Это осталось тайной даже для Елены Петровны.

Прогуливать занятия Максим стал гораздо реже. Выправил положение с оценками. Только всё равно радости от учёбы не испытывал. Закончив учебный год, он забрал из мореходки все свои документы и отнёс их в строительный техникум. Объяснил спонтанное решение тем, что всегда любил всякие и разные красивые строения. Ему нравилось наблюдать, как росла возводимая дедушкой Колей дача. Вот, казалось, только-только был положен последний газосиликатный блок, а уж и перекрытие готово и началась установка стропил... Максим не один раз помогал деду и учился у него. В это каникулярное лето Николай Егорович помог внуку устроиться на работу. В местной газете он прочитал, что на летний сезон требуются рабочие по уборке пляжей с оплатой тысяча рублей в день. Позвонил

в офис фирмы и договорился о времени проведения собеседования с Максимом и даже сопроводил внука до дверей офиса.

Александр Сергеевич не противился такому повороту в жизни сына. «Это его выбор», – сказал он себе. То же самое сказал он и Елене Петровне, когда та высказала недовольство поступком сына.

Серёжа к первой зарплате Максима перешёл в пятый класс. Родители определили его в спортивно-оздоровительный лагерь. После ужина Серёжа приходил домой. Благо лагерь находился в полутора километрах от дома. Объяснение этому простое: он скучал, долго не видя Мориса. Да и Морису было скучно без друга. Кот подходил к его тапочкам, обнюхивал, ложился рядом и подолгу лежал, положив голову на их ворсистую поверхность.

Серёжа позвонил дедушке Коле и попросил, чтобы тот забирал его по вечерам домой.

– Мне без Мориса ну никак: и грустно, и неудобно, и сон плохой, – так он аргументировал свою просьбу.

Дедушке оставалось лишь писать расписки, что он забирает внука на ночь и обязуется доставить его в лагерь к восьми часам.

А в один из вечеров папа сказал Серёже, что Морис заболел. Не сказал он лишь о его неизлечимой болезни. Только сын и сам вскоре всё понял. Пять дней Серёжа не отходил от кота. Он и плакал, и сквозь слёзы разговаривал с ним, и умолял Морисика не умирать.

Максим, в свою очередь, просил любимца съесть хотя бы кусочек курочки, но тот не ел и лишь благодарно шевелил ушами. В ночь, на шестое утро болезни, Мориса не стало. Он лежал между кроватями Серёжи и Максима и, казалось, спал. Однако Александр Сергеевич сразу понял, что Мориса среди живых собратьев уже нет. И ещё его удивило то положение, в котором застыл кот. Он как будто отдавал дань уважения своим друзьям Серёже и Максиму уже тем, что лежал на равном удалении от кровати каждого. На глаза Александра Сергеевича навернулись слёзы. Он смахнул их рукавом рубашки, положил бездыханное тело кота в полиэтиленовый мешок и вышел в коридор. Металлическая дверь при этом то ли всхлипнула, то ли скрипнула. Из неё уже никогда не выйдет и больше никогда в неё не войдёт красавец кот. Александр Сергеевич взял из подвального помещения небольшую складную лопату и отправился со своим печальным грузом в сторону морских дюн. В одном из укромных мест, под недавно отцветшей вербой, он похоронил Мориса. «Морис и море», – почему-то подумал Александр Сергеевич. На душе было мутно, тяжело, как после похорон близкого человека. А внизу надрывно шумело море, но человеку казалось, что оно пело какую-то свою заукоянную песню.

4

Заканчивался май, и заканчивался учебный год. У Максима – в июне, у Серёжи – через два дня. Старший в этот день сдавал зачёт в техникуме. Младший шёл коротким путём домой вдоль железнодорожного полотна. Дойдя до шлагбаума, пересёк шоссе и направился в сторону улицы Крылова, от которой рукой подать до дверей квартиры его четырёхэтажки. На пути Серёжи благоухали сирени. Особенно красивы были фиолетовые и белые цвета. Серёжа непременно сломал бы пару веток для мамы. Но тут он услышал голос котёнка из-под ближайшего куста. В нём звучало какое-то непонятное отчаяние. Серёжа шагнул на голос и увидел его обладателя. Котёнок пытался выбраться из тесной глубокой ямки и не мог. Увидев человека, он испугался и одновременно с надеждой уставился на него удивлёнными голубыми глазами. Серёжа с любопытством разглядывал котёнка и вдруг сказал:

– Морис, это ты?

– Мяу, – услышал он в ответ, – мяу.

– Морисик, выходит, ты заново родился? Я знал, знал, что такое возможно!

Серёжа поднял котёнка и бережно прижал его к щеке. А тот, улучив момент, лизнул его в нос. Такое уже было, когда он впервые увидел Мориса. Серёжа поправил тяжёлый ранец за спиной. Его детская душа сама была как ранец, наполненная радостью.

Серёжа шёл, бережно держа котёнка в руках, и говорил ему:

– Морисик, потерпи. Ещё чуть-чуть, и будем дома. А там... Я угощу тебя твоей вкуснятиной – курочкой.

ГОРЕЛ КАМИН

Рассказ

В тот вечер ветер разгуливал свободно, казалось, он дул сразу со всех четырёх сторон, что противоречило здравому смыслу и наводило на мысль о какой-то невидимой силе, неподвластной для понимания обычного человеческого разума. Он немилосердно молотил по оцинкованной крыше небольшой двухэтажной дачи, где я нашёл своё временное пристанище, убежав от прелестей цивилизации, суеты городской жизни, двухместного холостяцкого неуютя. Здесь, на даче, в непосредственном соседстве с природой, я хотел написать стихи к романсу, да и саму музыку, если повезёт. В углу стоит старенькое, но вполне живое пианино, изготовленное ещё в советские времена на фабрике «Красный Октябрь». Его хозяин и мой стародавний товарищ следил за ним, насколько это было возможно, так как дача по вполне понятным причинам протапливалась не всегда. И уж кому-кому, а музыканту известно, как влияет перепад температур на состояние музыкального инструмента. Сырость, холод – его заклятые враги. В даче, на её первом этаже, благодаря моим стараниям было тепло. Горел камин. Весёлый треск берёзовых дров влетался в симфонию звуков, творимых ветром. За окнами, в трёхстах метрах от дачи, бушевало море, натужно скрипели старички-тополя у веранды, громыхла крыша, и этот грохот мешал мне, не давал сосредоточиться. «Видимо, ветер оторвал край листового железа, – подумал я, – надо будет с утра залезть на крышу и починить её».

Я отложил блокнот в сторону, откинулся на спинку кресла, вытянул ноги к огню и закрыл глаза. В голову лезли какие-то мысли, все они были нечёткие, как очертания деревьев в тумане.

Кажется, я задремал, так как не услышал стука в дверь. Голос же, несомненно, молодой и женский, заставил меня вздрогнуть и открыть глаза. Я увидел девушку лет двадцати пяти, может быть, чуть старше. И впервые, по-настоящему, растерялся. Девушка была не просто красивой, она была отчаянно красивой: высокая, в брючном костюме и широкополой шляпе, лицо смуглое и чистое, на которое жизнь не наложила ещё никаких отпечатков. Но в глазах-изумрудах, несмотря на то что они улыбались, жила какая-то тайна, и эта тайна была для меня и для другого постороннего ей человека на семи замках.

Моя прекрасная незнакомка, так мысленно я назвал её, сняла шляпу, и волосы, цвета вызревшего каштана, рассыпались по плечам.

– Валентин Сергеевич, я сяду за пианино? – её слова кое-как добрались до моего сознания.

– Да-да, пожалуйста, – промямлил я. И тут же, недоумевая, спросил себя: с чего это она назвала меня Валентином Сергеевичем? Разгадка пришла сама собой. Огнём камин моё лицо высвечивалось нечётко, и девушка приняла меня за хозяина дачи.

Между тем её длинные тонкие пальцы уже бегали по клавишам пианино. Какие знакомые, весёлые и одновременно печальные звуки! «Мендельсон, – сказал я себе. Вечно юный и вечно будоражащий душу Мендельсон». Потом были другие мелодии, другие страсти, другие творческие подходы. Я узнавал Гайдна, Брамса, Рахманинова и с удовольствием, уже в который раз в своей, казалось бы, солидной тридцатипятилетней жизни слушал и восхищался их божественными творениями.

В свете тускло горевшей настольной лампы, освещавшей в какой-то мере только клавиши инструмента, фигура незнакомки лишь угадывалась, а густая чернота сентябрьской ночи, незаметно вползшая в комнату и намертво прилипшая к оконному стеклу, создавала иллюзию бестелесности и нереальности. Мне стало казаться, что за пианино никто не сидел, оно в силу своей предназначенности играло само по себе и по воле самой музыки, хаотично разлитой в природе и собранной человеческим гением в величайшие по мысли и чувству произведения. На часы я не смотрел. Сколько прошло времени – час? полтора? – не знал. Больше того, я впервые остро почувствовал то, о чём когда-то сказал поэт: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно». Странно, но, уйдя с головой в мир музыки, я перестал слышать завывание ветра, скрипы тополей и грохот железа. А может быть, сентябрьская ночь умиротворила стихию? Но нет, шумы стали возвращаться ко мне, и я услышал голос незнакомки, оказавшейся вдруг за моей спиной:

– Спасибо, Валентин Сергеевич.

– Не за что, – ответил я, – это вам спасибо. Удовольствие получил несказанное. Вы талантливая пианистка.

Я хотел сказать иначе, мол, вы настолько талантливы, насколько красивы, но посчитал фразу напыщенной, хотя здесь явно просматривалось ниспосланное небом сочетание таланта и красоты.

– Боже! – девушка отпрянула от меня. – Вы не Валентин Сергеевич. Кто вы?

– Я друг Валентина Сергеевича. Здесь нахожусь на отдыхе, то есть на работе, то есть... Мой язык мне не повиновался.

А она смотрела на меня пристально, без лёгкой, пусть даже ничего не означающей улыбки. Удивление светилось в её глазах, таилось в уголках губ. И я никак не мог понять, с чем оно связано. С тем, что я её испугал, или с тем, что она хотела видеть другого человека, возможно, любимого ею. Что ж, Валентин Сергеевич человек достойный. Философ, кандидат наук. Пианино – его хобби. Он и внешне красив, куда мне до него! Но как же так? – тут же мысленно вскричал я, – ведь он женат, у него двое детей! Нет, тут что-то не так. Уж кому-кому, а мне-то известно, как любит мой друг свою Елену.

– Вы мне не верите? – мои губы с трудом разлепились.

– Верю, – девушка, наконец, улыбнулась, и её улыбка заставила ещё сильнее забиться моё сердце, – но я так и не услышала, кто же вы?

– Волошин Александр, – я поклонился незнакомке. – Немного поэт, немного художник. Люблю музыку, иногда пишу её. Словом, любитель во всём.

– Значит, вы любите жизнь, – так, без тени лукавства, обобщила она моё любительство. – Ну а я Мария Полянская, рядовой работник областной филармонии. Играю в оркестре народных инструментов. Домра... Пианино, как вы изволили выразиться, моё хобби.

Она подошла к камину, подбросила в него полено и, наблюдая, как языки пламени лижут берёзовую кору, сказала:

– Люблю сидеть у камина, смотреть на огонь и слушать музыку. Вот вы назвали себя немного поэтом, так?

Я согласно кивнул головой, ещё не понимая сути вопроса. Она же, не давая моей мысли вырваться на простор, потребовала, да-да, не попросила, а потребовала:

– Читайте!

– Что читать? – опешил я.

– Как что? Ваши немного стихи.

Мария села на дубовый табурет у камина и приготовилась слушать.

Я лихорадочно рылся в памяти, искал подходящие стихи и не находил. Все они вдруг стали казаться мне слабыми, незначительными и недостойными ушей прекрасной девушки, сидящей в сумасшедшей от меня близости. В конце концов я решился и прочитал одно из последних стихотворений, написанных в конце минувшего лета.

*Может быть, не совсем потерянный
Этот созданный кем-то мир.
Отчего же в душе растерянность,
Словно он мне не люб и не мил?
Словно нет ни дождя августовского
И нет сумерек в шуме сосен...
Я рассказы люблю Паустовского
И вставать на работу в восемь.
Ты придёшь – ты моя растерянность –
На мой остров, в дождях затерянный.*

Мария слушала внимательно, хотя чтец из меня если не скверный, то плохой. Эту свою особенность я подметил ещё в студенческие годы и впоследствии никогда никому стихов не читал, стеснялся. И вот он мой непредвиденный выход на сцену, без афиш, репетиций и аплодисментов. Вместо оваций Мария ещё ближе подвинула свой табурет ко мне и повторила последние строки стихотворения:

*Ты придёшь – ты моя растерянность –
На мой остров, в дождях затерянный.*

Её широко открытые глаза смотрели мне прямо в душу и неудержимо, неодолимо тянули меня к ней. Со мною никогда ничего подобного не происходило. Ни одна девушка не волновала меня столь сильно в моей прежней жизни. Господи, я уже поделил свою жизнь на прежнюю – до встречи с Марией – и нынешнюю. Ещё вчера я бы никому не поверил, что возможно вот так сразу, без оглядки, нырнуть с обрыва в воду, не боясь удариться головой о дно. А тут нырнул. И не просто в воду, а в любовный омут нырнул. Выходит, зря я сомневался в существовании любви с первого взгляда. Помню, ещё иронизировал по этому поводу над сокурсником. Ответом мне была улыбка, как будто мой товарищ знал, что случится со мной в ветреный сентябрьский вечер. Случилось! Моё сердце побеждено. Оно рвётся наружу, чтобы соединиться с другим сердцем.

Но первый шаг сделал не я, а Мария. Она вдруг привстала с табурета и поцеловала меня в губы. Ей не нужно было объяснять моё состояние. Оно проникло в меня сразу, как только она подошла к камину. Поцелуй был лёгкий и быстрый, как прикосновение бабочки к цветку. Я даже не успел на него ответить. Но всю его прелесть почувствовал сполна: щёки мои вспыхнули и стали пунцовыми, дыхание перехватило, я словно лишился дара речи и только смотрел в зелёные всепонимающие глаза Марии. В свете камина они казались мне луговыми травами, по верхушкам которых катились золотые искры, исчезали в необъятном зелёном просторе и вновь возвращались. Иногда искры, натываясь на невидимые препятствия, взлетали вверх и потрескивали. Нет, это трещали дрова в камине. Пламя, как некое живое существо, надеясь на помощь ветра, стремилось выползти наружу, оно освещало пространство вблизи нас и в меньшей степени – в глубине комнаты. Там отсветы огня играли в какую-то свою игру. Они как будто дразнили ночь за окном, им хотелось втянуть её в игру. Но ночь оставалась верна себе, она жила по своим законам и в своём, отведённом ей, времени.

«Боже, а сколько мне отведено времени?» – испуганно спросил я себя. – Вот сейчас она встанет...»

Я невольно вздрогнул и поспешно, в безотчётном порыве, взял руки девушки в свои и поцеловал каждую. Она не сделала ни малейшей попытки отстраниться. Выходит, я ей не безразличен? С приходом этой мысли я почувствовал, что могу говорить. И я сказал, боясь своей смелости, боясь поверить в реальность происходящего:

– Как долго я искал тебя.

В уголках губ Марии появилась всё та же таинственная улыбка, она снова поцеловала меня и снова повторила последние строки моего стихотворения, несколько их изменив: «Я пришла – я твоя потерянная – на твой остров, в дождях затерянный». На её пальце засветилось обручальное кольцо. Почему-то я его заметил только что, и лицо моё сразу одеревенело, скорее всего, стало некрасивым. К сожалению, своё лицо можно ощущать, но не видеть. Мария видела всё. Ничего не объясняя, она сказала:

– Да-да, я замужем. Но твой остров теперь и мой остров. И я всегда буду с тобой, даже если мы не рядом.

До утра мы были вместе. Я не хочу идти против своей воли и воли Марии, описывать всё то, что произошло между нами. Мы любили друг друга так сильно и так нежно, как только могут любить люди, у которых страсть не замешана лишь на одном чувстве обладания. Наши тела растворялись друг в друге, дыхание сливалось, глаза лучились счастьем, а губы шептали самые красивые, самые заветные слова, какие только можно отыскать.

Мне хотелось, чтобы эта ночь длилась бесконечно, я умолял рассвет задержаться.

Но как можно умолить неумолимое? Оно двигалось в пространстве и во времени с заданной несговорчивостью и наконец проникло в комнату в виде бледно-серой полосы. С каждой минутой полоса расширялась, светлела, и вскоре расплывчатые очертания предметов стали отчётливыми и реальными. Ветра не было слышно, он затих или где-то затаился на время. А может быть, я его не слышал по другой причине. Именно потому, что сидел у изголовья самой красивой, самой желанной женщины на свете и любовался ею. Мне нравилось в ней всё: и то, как она спала, лёжа на боку и подложив под голову ладони, и то, как радостно и беспомощно улыбалась в своих сновидениях. Её ресницы подрагивали, они так же пребывали во власти сна, как и волосы, разбросанные на подушке.

Сколько я так сидел, не знаю. Но с первыми лучами солнца, проникшими в комнату, Мария проснулась. Её глаза встретились с моими, и, как бокал наполняется искристым вином, так они наполнились радостью.

– Значит, ты мне не приснился, – прошептала она и тут же то ли потребовала, то ли попросила: – Поцелуй меня.

Мы одновременно потянулись друг к другу, и наши губы слились в долгом, томительном поцелуе. Я ощущал её трепетное, жаждущее ласки тело. И повторилось всё, что произошло между нами вечером.

А потом она ушла, упорхнула, как лёгкий майский вечер. И я снова остался наедине с собой в просторной дачной комнате, но чувства одиночества не ощущалось. Наоборот, сердце моё пело, оно было переполнено неповторимой, непередаваемой словами мелодией. Теперь я знал, что эта мелодия будет сопровождать меня повсюду, она будет всегда в моих делах и поступках.

Я залез на крышу дачи и починил оторванный лист кровельного железа, сложил в штабель лежащие в беспорядке доски и газосиликатные блоки. Хозяин недавно привёз всё это богатство для строительства бани. С неменьшим старанием и удовольствием наколол берёзовых дров и большую часть сложил в поленницу у гаража, а охапку принёс в дом и растопил камин. Мелодия делала своё дело. Мне не нужно было понукать себя, не нужно было вымучивать из себя то, что до встречи с Марией называл стихами. Они, стихи, складывались сами собой, помимо моей воли. Я пытался положить их на музыку, и попытка почти удалась. Вскоре я повторю её и, уверен, повторю небезуспешно.

Так, в делах и заботах, коротал я день в надежде на скорую встречу с Марией. А он всё равно тянулся медленно, как будто знал что-то такое, чего не должен был знать я или мог узнать, но со временем.

С наступлением сумерек ко мне пришёл знакомый мальчишка с запиской от Марии. «Прости, – писала она, – но прийти не смогу. Приехал муж, и я вместе с ним должна вернуться в город. Ему с утра в командировку. А у нас дочь. Я знаю, ты удивлён. Но успокойся. С мужем я давно не живу. Соседействую. Он в своей комнате, я в своей. Спасибо за всё... Ночь была восхитительной. Люблю тебя. Мария».

Я посмотрел на часы и с досады чертыхнулся. Электричка ушла несколько минут назад. От Сокольников до Зеленоградска, если идти по берегу моря, сорок – сорок пять минут ходьбы. Там я сяду на рейсовый автобус и через час буду в Калининграде. «Но что мне это даст? – тут же спросил я себя. – Ответа не искал. Да он, в силу своей очевидности, и не требовался. – Вот и хорошо! – с лёгкостью сказал я себе», – буду ходить возле дома Марии всю ночь.

«Сборы были недолги» – так поётся в одной из старых песен. Куртку на плечи, дверь на замок и в путь. Вот бы удивилась моя бывшая жена столь быстрой реакции с моей стороны. Она считала меня тугодумом, человеком нерешительным, тяжёлым на подъём. И связывала всё это с моим характером. Определила меня почему-то в холерики и пыталась, как врач-психолог, сотворить из меня то, что ей хотелось. А в результате я ушёл от неё. Как-то утром по радио услышал удивительно мудрую фразу: «Лучше, когда тебя любят за то, что ты есть, а не за то, чем ты не являешься». И эта мудрость решила мою судьбу. К вечеру я оказался там, где сейчас живу. Друзья называют моё жильё холостяцкой конурой. А мне эта конура мила и желанна. Но в данный момент я думаю о другом – не об уединении, а о дороге и о встрече с той, что так внезапно и навсегда вошла в моё сердце.

Нынешняя ночь была резко противоположной прошлой ночи, когда властвовал ветер, море штормило и набрасывалось на берег с какой-то звериной яростью. Сейчас небо прояснилось и сквозь редкие облака светила полная луна. Она освещала мой путь. Успокоившееся море блестело, как чешуя огромной рыбы и казалось неопасным и ласковым. Я иду и представляю себе, как буду ждать заветного утра, а вместе с ним такой желанной встречи с Марией. Я ещё не знаю, как это произойдёт и какие слова скажу ей. Я ищу эти слова и найду их, если они существуют в природе. А может, они сами собой скажутся в момент встречи. Но прежде я куплю у ранних торговки розы. Я куплю их на все оставшиеся деньги. Что деньги? Я отдал бы всё, что у меня есть, лишь бы видеть светящиеся радостью небесные глаза Марии. Свет её глаз, как магнит и как маяк, который уже никогда не позволит мне заблудиться в огромном океане жизни.